

КОВАЧ ГАЗ

ном толерантном радикале Ленине, о возможности большевизма с человеческим лицом.

Миф закончился разочарованием, трагедией. И нынче интеллигенция столкнулась с пустотой: нет впереди новых берегов, нового неба, нет новых идей о человеческом счастье, есть лишь воспоминание, как все эти идеи окончились атеизмом, лагерями и кровью, кровью, кровью... Вот почему нет подлинно больших фигур в либеральном движении в России. Да и в мире нынче их нет. Пока нет...

Русская буржуазия и ныне, и присно, и, боюсь, во веки веков всегда была и будет бездарной во власти. Это потому, что она никогда не стояла у власти. Зато всегда была талантливой в обогащении. Но она не понимала и не понимает, что такое править в такой сложной для капитализма стране, как Россия. Россия — не колбасная страна, и Штольц никогда не будет здесь героем.

Беда русской буржуазии и после Февральской революции, и после крушения СССР: она не сделала того, о чем просил Григорий Распутин, — «думать о народишке». Она почему-то по-прежнему верит, что давать деньги обездоленным — это благотворительность. А на самом деле никакой благотворительности не существует, но есть предусмотрительность, умная забота о том, чтобы не очутиться голой задницей на вулкане.

Но главное — это, конечно, молодежь. Точнее, ее авангард. Потому что именно он, а не масса, не попка и быдло, определяют новое поколение. Внешне они похожи друг на друга. Но какая пропасть между ними! Одна часть поколения невероятно необразованна, другая — столь же невероятно образованна. Эти ребята уже самодостаточны. Они говорят по-английски — кто нью-йоркским, кто с оксфордским произношением. Они ложатся в полтретьего ночи, потому что учатся. Они готовы свернуть горы на пути к своим целям. И сворачивают. Пока они не хотят переделать мир, они хотят его завоевать.

Но, к сожалению, у этой группы уже есть классовая ярость. После сюжета о «золотой молодежи» в «Намедни» мой сайт был завален их письмами. И все приблизительно одинакового содержания: «...Какие мерзавцы, как так можно!». И я поневоле вспоминал, что случилось прекраснейшими молодыми людьми в эпоху Александра II, как «чистейшие сердцем» превратились в «бесов»...

Ну а книга завтрашнего дня — книга про Ленина. Это особая фигура — трагическая, несчастная, счастливая, великая и одновременно удивительно ограниченная. Очень многие идеи, которые его волновали, никогда не умрут в России. Например, идея равенства.

Равенство — это не свобода. Свобода в России нужна немногим. Но зато равенство... Книга про Ленина будет книгой о радикальном движении в России, о его удивительных поворотах. От идеи уничтожения государства до идеи создания самого тоталитарного государства в мире. Я не хотел ее писать. Я мечтал вернуться в театр. Но Ильич заставляет — это очень опасная фигура. И вообще все эти великие, о которых я писал, поверьте, не исчезли. Они просто спрятались в природе...

● Записала
Лилия ГУЦИНА

Известно, что вся мировая литература есть вариации на тему трех десятков бродячих сюжетов. Еще скуднее сюжетный фонд истории. Собственно говоря, в ней разыгрывается один постоянный сюжет и называется он «ничему не научились, ничего опять не поняли». О том, чему не научились и чего не поняли мы на этот раз, рассуждает Эдвард РАДЗИНСКИЙ...

— Николай II, Сталин, Распутин, Александр II. Четыре весьма символические фигуры: последний царь, первый большевистский царь, русский мужик — истинный предтеча тех мужиков, которые уничтожили царскую Россию, и, наконец, реформатор, тщетно пытавшийся направить наш азиатский корабль в европейские воды. Четыре книги об этих героях составили мою трилогию. В ней я пытался рассказать, как случилась русская катастрофа, стоившая жизни многим миллионам...

Я начал писать первую книгу, книгу о Николае II, в 1975 году. Отчетливо помню тот особый день, когда я залунал писать эту книгу.

В это время Театр Маяковского репетировал мою пьесу «Беседы с Сократом». Репетировал шесть лет. Шесть лет эту пьесу не разрешали. Сначала потому, что история всенародного осуждения Сократа весьма напоминала всенародную кампанию против Солженицына, потом, после высылки Солженицына, напоминала историю Сахарова... Но за шесть лет постепенно к пьесе привыкли. К тому же ее репетировал знаменитый театр. И вот наступил великий миг: меня позвали в тогдашнее Московское управление культуры, дали текст пьесы, и начальник управления торжественно сказал: «Пьесу разрешаем, но с поправками. Там вы найдете два вычеркивания. Синим карандашом — здесь вы можете спорить. Но о вычеркиваниях красным спорить нельзя. Их надо выполнять». И пояснил шепотом: «Это правил Михаил Андреевич!». Страна тогда хорошо знала эти имя и отчество. Это был Сулов.

Я шел домой потрясенный — второй человек в государстве, его «серый кардинал», занимается чтением какой-то пьесы. Причем работал над ней серьезно, ибо вся моя пьеса была в мелких поправках. Особенно было интересно, что он вычеркивал. Дело в том, что в пьесе были цитаты из речей Сократа из знаменитого сочинения Платона. У Сулова был хороший вкус, он правил в основном Платона, при этом на полях периодически рекомендуя Платону, как надо было писать.

Наступил день премьеры. Шесть лет Джигарханян репетировал роль Сократа. Когда начинал, он был неизовольительно молод для древнегреческого философа. Теперь к роли он уже подходил. Я тоже заплатил шестью годами жизни. И я решил, что имею право на некий спектакль: я позвал на премьеру того, кого они видели в образе Сократа, из-за кого не разрешали пьесу. Я позвал академика Сахарова.

Это был пик кампании против него — 1975 год. Во всех газетах его уничтожали. И я подумал: как это будет здорово — Сократ на сцене и Сократ в зале.

На легко разрешенные спектакли власти ходили редко, но на спектакли, которые долго запрещались, являлись и вместе с семьями.

В день премьеры я узнал, что в театр собираются глава Гостелерадио, министр финансов, министр внутренних дел с семьей и т.д. Места, которые я отправил Сахарову, были как раз между ними! Итак, Сократ,

гонимый афинянами, должен был сидеть среди этих самых знатных афинян.

Сахаров появился в зале прямо перед поднятием занавеса. Было жарко, он шел по проходу с пиджаком в руках. Когда он подходил к своему ряду, они увидели его и... радостно приветствовали! «Андрей Дмитриевич, здравствуйте... Рад вас видеть, Андрей Дмитриевич!»... Так они демонстрировали перед семьями свою независимость. И вот тогда, прилядомой, я сказал себе: этой великой империи, которая казалась вечной, как египетская пирамида, скоро не будет. Страна, где сама власть показывает, как она презирает собственные решения, долго не просуществует. С того момента я и начал писать книгу о Николае II, по-

Сулов правил только Платона. Сократа не трогал

Эдвард РАДЗИНСКИЙ:

О «народишке» не подумали

Почему история — это вовсе не прошлое

тому что твердо знал — я увижу ее напечатанной.

Одной из главных задач книги было впервые рассказать правду о расстреле царской семьи.

Но главный пафос книги был не в описании зверства. Главный смысл был изложен в стихотворении, которое осталось в книге великой княжны Ольги:

*«Дай крепость нам,
О Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью
встречать....*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов».*

Николай и царская семья вернулись после смерти в Россию не потому, что Николай был хороший император. Он был плохой правитель. Но смерть для политического деятеля иногда важнее жизни. Накануне гибели он понял,

что единственный завет, в котором будет нуждаться больная ненавистью страна, это завет о прощении.

«Государь просил не мстить за него, он всех простил», — напишет его дочь накануне их гибели. В этом их призыве из-за гроба и был основной смысл моей книги.

Только что законченная книга об Александре II — это книга о первой перестройке в России в девятнадцатом веке. О том, как опасно начинать реформы, но еще опаснее их останавливать. Ибо общество уже соблазнено реформами. Но главное — это история о молодежи. О том, как самая прекрасная молодежь, «чистейшее сердцем», как писал классик, превратилась в беспощадных бомбистов и убийц. Как Александр, остановив движение страны вперед, стал в какой-то мере оптом русского террора. И дети перестройки убили ее отца, Александра II...

Сейчас России нужна либерально мыслящая партия. Но готовая «идти к униженным, идти к обиженным». Не объяснять: «Знаете, они — не наш электорат, наш электорат — обеспеченные, довольные собой и жизнью молодые люди, новая буржуазия и прочие глупости.

Те, кем занимались наши демократы, на выборы не ходят. Ходят нищие пенсионеры, ходит интеллигенция, которая, приветствуя перестройку, оказалась обездоленной в результате

этой перестройки и которую жизнь — кто бы мог представить! — толкает к коммунистам.

Я думаю, нынче интеллигенция приняла этот вывод: «все, что большевики говорили о прелестях социализма, — ложь, но многое из того, что они говорили о капитализме, — правда». Ведь именно поэтому в 20—30-х годах западные интеллектуалы поддерживали страну большевиков.

Приехав в СССР, они с восторгом видели систему, при которой наверху социальной лестницы были ученые, артисты, писатели. Они составляли большевистскую аристократию. И эта система нравилась и Роллану, и Пикассо, и Брехту... Здесь не было власти рыночного дьявола, не было всемогущества презираемого интеллектуалами бизнеса. И оттого террор, тотальную несвободу и партократию они постарались приписать параною Сталина. Они захотели поверить в миф о благород-

«Все эти великие, о которых я писал, поверьте, не исчезли»

БОРИС СЫСОЕВ

Радзинский Эдвард Фадеев Александр (Гранжурин)

17.11.04